

RU

Технологическая искусственность как модель «экранизации» действительности в романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце»

Орлова Т. С.

Аннотация. В статье исследуется феномен технологической искусственности как модели преобразования («экранизации») реальности в романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце». Цель исследования – установить, каким образом искусственный интеллект в произведении формирует особое, «экранизованное» восприятие действительности и влияет на читательскую эмпатию. Научная новизна заключается в том, что впервые раскрывается специфика алгоритмического сознания персонажа Исигуро как механизма, порождающего эффект «неустойчивой» эмпатии у читателя. Полученные результаты показали, что технологическая среда не просто моделирует реальность, но активно изменяет восприятие мира и человеческих чувств, стирая границы между естественной и симулированной эмоциональностью. Выявлено, что в романе восприятие действительности через «камерный взгляд» искусственной героини трансформирует читательское ощущение истинности эмоций. Подобная «экранная» репрезентация реальности вызывает эффект остранения, побуждая читателя переосмыслить привычные представления о достоверности эмоционального опыта и подлинности человеческих отношений. В романе эмпатия героини является не естественным чувством, а результатом программного алгоритма, что ставит вопрос о подлинности эмоционального отклика, вызываемого искусственным субъектом.

EN

Technological artificiality as a model of “screenification” of reality in Kazuo Ishiguro’s novel “Klara and the Sun”

T. S. Orlova

Abstract. The article explores the phenomenon of technological artificiality as a model of transformation (“screenification”) of reality in Kazuo Ishiguro’s novel “Klara and the Sun”. The aim of the research is to establish how artificial intelligence in the work forms a special, “screenified” perception of reality and affects reader empathy. The research is original in that it is the first one to reveal the specificity of the algorithmic consciousness of Ishiguro’s character as a mechanism that generates the effect of “unstable” empathy in the reader. The research findings showed that the technological environment not only models reality but actively changes the perception of the world and human feelings, blurring the boundaries between natural and simulated emotionality. It was found that in the novel, the perception of reality through the “camera-like gaze” of the artificial heroine transforms the reader’s sense of the truthfulness of emotions. Such a “screenified” representation of reality evokes an effect of defamiliarization, prompting the reader to rethink familiar ideas about the authenticity of emotional experience and the genuineness of human relationships. In the novel, the heroine’s empathy is not a natural feeling but the result of a program algorithm, which raises the question of the authenticity of the emotional response evoked by an artificial subject.

Введение

Роман «Клара и Солнце» был опубликован в период активных дискуссий о постчеловеческом обществе и влиянии цифровых медиа на восприятие реальности. Эти дискуссии придают теме исследования особую значимость.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления влияния технологий на художественную репрезентацию действительности в современной литературе. Сегодня перед литературоведением стоит проблема изучения того, как технологическое опосредование восприятия трансформирует традиционные нарративные модели, изменяя способы эмоционального взаимодействия читателя и текста. Роман

К. Исигуро «Клара и Солнце», как отмечает литературный критик Г. Юзефович (2021), затрагивает ряд острых проблем ближайшего будущего, связанных с цифровизацией сознания и симуляцией человеческих чувств, что делает его показательным материалом для анализа обозначенной проблемы. В этой связи обращение к феноменам «технологической искусственности» и «экранизации действительности» является важным шагом в понимании того, каким образом литературное произведение отражает и осмысляет взаимодействие человека с технологиями, порождающее новый тип читательского восприятия.

Для достижения указанной цели в работе поставлены следующие задачи:

- раскрыть содержание понятий «технологическая искусственность» и «экранизация действительности» в контексте современного медиаведения и литературоведческого анализа;
- проанализировать «камерный» взгляд Клары (ее восприятие мира через пиксельные «окна» и сетку зрения) и показать, как он превращает окружающую реальность в серию фрагментированных экранов;
- исследовать феномен «симуляции чувств» у Клары – её алгоритмическое «чувствование» и попытки распознавания эмоций людей – как проявление технологической медиативности;
- выявить, каким образом взаимодействие Клары с людьми и технологической средой иллюстрирует концепцию «экранизации действительности», то есть медийно опосредованный образ мира.

Для решения поставленных задач использован комплекс взаимодополняющих методов. Теоретический анализ научных работ по теме позволил раскрыть содержание ключевых понятий и определить рамки исследования. Нарратологический метод применён для изучения повествовательной оптики ИП (Искусственной Подруги) Клары и установления роли её «камерного взгляда» во фрагментации и монтажной организации повествования. Компаративный подход (сопоставление литературного текста с философскими концепциями) использован при анализе феномена «симуляции чувств», что дало возможность интерпретировать художественные эпизоды через призму теории симулякров Ж. Бодрийяра (2015). Наконец, интерпретационный метод (культурно-контекстуальный анализ) позволил выявить, как взаимоотношения персонажей в романе отражают эффект медиатизации реальности и подтверждают выдвинутые теоретические положения.

Основным материалом работы является роман К. Исигуро «Клара и Солнце» (2021). В качестве иллюстративных источников привлекаются также критические отклики на роман – в частности, рецензия Г. Юзефович (2021) и обзор Б. Гейтса в блоге GatesNotes (2021), – отражающие читательское восприятие произведения.

Настоящее исследование опирается на междисциплинарную теоретическую базу. Применяются идеи кинематографической теории взгляда (концепции, восходящие к работам Л. Малви (2000)), философия симулякров Ж. Бодрийяра (2015). Для анализа специфики романа учтены современные научные труды по данной теме: исследование машинного зрения и распознавания лиц у Исигуро, проблемы политики взгляда и техно-«Другого», а также постмодернистские интерпретации размытости границ между оригиналом и копией в «Кларе и Солнце» (Sumner, 2023; Simonetti, 2023; Лушникова, Осадчая, 2022). Кроме того, теоретический контекст исследования включает работы по эстетике эмоций и аффекта (в частности, подход S. Ngai (2005) к анализу «симулированных» чувств).

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в образовательной сфере: при преподавании современной литературы и медиакультуры – для демонстрации того, как художественная проза отражает изменения в восприятии реальности под воздействием технологий. Кроме того, выводы статьи способны послужить основой для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке литературоведения, философии техники и теории медиа.

Обсуждение и результаты

В романе «Клара и Солнце» особое место занимает описание мира глазами искусственного существа. Повествование ведется от лица ИП Клары – антропоморфного робота-друга, чьё восприятие окружающего пространства принципиально отличается от человеческого. Героиня видит мир не как цельную картину, а фрагментировано, через секции, подобно цифровой сетке: «...Исигуро наделяет Клару специфичной оптикой – героиня видит мир пиксельным сочетанием плоскостей разного цвета» (Файзуллина, 2023, с. 179). Это визуальное разделение позволяет ей анализировать детали: так, в сцене в витрине магазина менеджер одновременно появляется сразу в трёх соседних «окнах» поля зрения Клары, и по разным частям лица (глазам, рту) она считывает разные эмоции – доброту и печаль, гнев и разочарование. Такая фрагментация отражает технологическую искусственность взгляда ИП: мир преобразован во множество пиксельных фрагментов, которые сознание робота затем соединяет в единую мозаику восприятия. Как образно заметил Б. Гейтс (Gates, 2021), вместо одного большого поля зрения Клара словно смотрит на мир через серию «пиксельных блоков» – то есть «разбивает» визуальный образ на части. Живописная реальность оказывается очищенной цифровым фильтром: читатель действительно видит описанный мир глазами машины.

Кроме зрения, Клара «искусственно» программирует и свое эмоциональное поведение. Её предназначение – демонстрировать эмпатию к человеку, однако действует она по алгоритмам, заданным создателями, и наставлениям менеджера магазина. Так, Клара разучивает шаблон дружелюбного поведения: например, она должна при встрече с прохожим мягко улыбаться и смотреть мимо человека на отдаленный объект. Следуя этой программе, героиня даже ощущает, что смотреть прямо в глаза «вульгарно»: «В этом случае мы ведем себя так, как нас учила Администратор: улыбались “нейтральными” улыбками и неподвижно глядели

в отдаленную точку на полпути до здания РПО. Очень заманчиво было получше рассмотреть подошедшего, но Администратор объяснила, что заглядывать в такую минуту прохожему в глаза – верх вульгарности» (Исигуро, 2021, с. 16). Реалистичная динамика человеческого взгляда здесь намеренно заменена запрограммированной манерой – своего рода буквальной «экранизацией» контакта: живое взаимодействие как бы проецируется на экран лица Клары в упрощенном виде.

Клара «считывает» человеческие лица и эмоции как совокупность данных: она фиксирует движения мышц, изменение теней на лице, тон голоса. Как отмечает Т. Sumner (2023, р. 2-3), отсутствующий в списке источников навык *face reading* становится в романе инструментом, позволяющим показать «эмпатичную запрограммированную машину» в роли своеобразной преломляющей призмы для размышлений о месте технологий в нашей жизни. Действительно, Клара постоянно описывает внутренние состояния людей через объективные внешние признаки (помутневшие глаза – «плохое предчувствие», наклон головы – «угрызения совести» и т. д.), тем самым симулируя собственную эмпатию (Ngai, 2005). Однако её интерпретации нередко оказываются неточными или сопровождаются сомнением. Обнаруживая в чьем-то выражении «гнев и разочарование», она робко уточняет, что лишь *думает*, что «обнаружила» эти эмоции. Подобные разрывы между наблюдением и пониманием показывают, что машинная «чувствительность» лишь имитирует человеческую – алгоритмы создают схему вместо живого чувства, делают мир плоским и схематичным.

Важно подчеркнуть, что «камерный взгляд» Клары – это взгляд *другого*. Он сочетает в себе одновременно нечеловеческую объективность и ограниченность. С одной стороны, сенсорное восприятие Клары лишено предвзятости и усталости: она бесстрастно и детально фиксирует всё вокруг, подобно неусыпному объективу камеры. С другой стороны, многое ускользает от неё: тонкости человеческих взаимоотношений, скрытые мотивы, психологические нюансы остаются вне поля её понимания. В результате создаётся эффект неполноты: читателю показывается лишь визуальный «верхний слой» происходящего, тогда как эмоциональный подтекст остаётся за кадром и требует реконструкции. Такой приём пустоты переключается с кинематографическими техниками: камера может показывать жесты и мимику, оставляя истинные переживания героев невысказанными.

В итоге «камерный» (кинематографический) взгляд в тексте служит сразу нескольким целям. Во-первых, он создаёт эффект достоверности отстранённой перспективы: читатель действительно воспринимает события так, словно наблюдает за людьми глазами искусственного разумного свидетеля. Во-вторых, этот взгляд проблематизирует само понятие субъективности в литературном повествовании. Обычно рассказчик наделён внутренней речью и переживаниями, тогда как здесь рассказчик уподоблен объективу: у него нет собственного «я», а есть лишь регистрирующее чужие действия сознание. Клара описывает мир, но почти не рефлексировать о себе (по крайней мере, не так, как это делают люди). Это, однако, не означает полного отсутствия у неё личности; напротив, индивидуальность Клары проявляется именно в том, *как* она смотрит. Анализ особенностей «камерного взгляда» подводит нас к следующему вопросу: что же насчёт чувств? Является ли Клара всего лишь бездушной камерой, имитирующей человеческий взгляд, или же в ней пробуждаются настоящие эмоции? Для ответа обратимся к проблеме симуляции чувств.

Симуляция чувств – центральная этическая и философская проблема романа. Клара создана с программой быть эмпатичной и заботливой компаньонкой для ребёнка. Она выглядит и ведёт себя как девочка-подросток, умеет вежливо общаться и, кажется, проявляет искреннюю привязанность к своей хозяйке Джози. Но подлинны ли её эмоции, или это всего лишь заложенное программистами поведение – качественная имитация человеческой эмпатии? К. Исигуро намеренно держит читателя в напряжении между этими полюсами. Писатель предлагает гиперреалистичную ситуацию, в которой грань между настоящим чувством и его симулякрот почти стерта. В духе постмодернистского мышления реальность и симуляция здесь сливаются воедино, вызывая вопросы о природе подлинности эмоций. Весь изображённый в романе будущий мир можно назвать миром симулякров: генетически «улучшенные» дети, чьё поведение частично моделируется наставниками; робот, способный занять место друга или даже самого ребёнка; окружающие, готовые принять такую подмену как нечто обыденное.

Ж. Бодрийяр описывал подобное состояние как эпоху симулякров, в которой «знаки реального заменяют само реальное» (2015, с. 163) – возникает гиперреальность без подлинника. В «Кларе и Солнце» представлена именно такая подмена: дружба и любовь превращаются в товар, который можно приобрести (искусственный друг вместо настоящего друга), а уникальное человеческое «я» оказывается чем-то, что потенциально может быть скопировано и сохранено (план матери Джози создать её точную копию). Роман фактически ставит вопрос о том, имеет ли значение подлинность переживаний искусственного интеллекта, если он способен вызывать у людей эмпатию. В ходе чтения многие и сами забывают, что Клара не человек, настолько правдоподобно её повествование имитирует человеческое. Но время от времени автор намеренно напоминает о её иной природе, используя те же визуальные «секции» при описании взгляда Клары или показывая её странное поведение (например, Клара совершает ритуал поклонения Солнцу как источнику энергии и – по её вере – исцеления Джози). Эта почти религиозная линия с обожествлением Солнца демонстрирует ещё и то, как Клара создаёт симулякр веры. Не имея настоящей духовности, она самостоятельно конструирует примитивный культ: заключает с Солнцем «сделку» о помощи Джози. Клара не чувствует в религиозном смысле, но имитирует ритуальное поведение, скопированное из обрывочных наблюдений за людьми. Здесь снова возникает тонкая грань: выглядит ли её молитва Солнцу как истинная духовность или как сбой программы? Исигуро оставляет вопрос открытым. Симулякр способен неожиданно породить новое значение: пусть Солнце и не совершает чудеса, но вера Клары дарит надежду – и ей, и читателю – на милосердие в холодном мире, даже если это милосердие запрограммировано.

Анализ феномена симуляции чувств в романе подтверждает идеи Бодрийяра (2015) о размытости оригинала и копии в эпоху гиперреальности. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда копия грозит превзойти оригинал. Клара потенциально должна была стать «новой Джози» – возможно, даже более совершенной, ведь робот не заболит и не причинит матери боли своим уходом. Эта жутковатая перспектива перекликается с предостережением Бодрийяра (2015, с. 20) о том, что симуляция не просто подделывает реальность – она иногда заменяет её собой (как в концепции гиперреальности). Если бы план удался, реальная Джози могла бы умереть, но её функция дочери в социальном плане продолжила бы выполняться копией. С точки зрения морали финал романа показывает отрицательное отношение к такой подмене – мать в последний момент отказывается от идеи замены, признав уникальность живой Джози. Однако сама возможность столь совершенной симуляции ставит под сомнение наше понимание уникальности личности. Если эмоциональные реакции, голос, поведение – всё это можно записать и воспроизвести машиной, то что остаётся в человеке *истинно* человеческого? Этот вопрос роман оставляет открытым, предлагая читателю задуматься (Simonetti, 2023, p. 281-282).

Примечательно, что проблема симуляции эмоций показана в тексте не односторонне (не только робот имитирует человечность), но и в обратном ракурсе: люди порой ведут себя механически и отчуждённо, как будто *симулируют бесчувственность*. Некоторые персонажи демонстративно холодны с Кларой, видя в ней лишь вещь, хотя иной раз проглядывает бессознательное тёплое чувство (так, отец Джози испытывает к Кларе благодарность). Общество в романе в целом отчуждённое: дети изолированы (учатся дистанционно), дружба оцифрована, социальные связи натянуты. Эмоциональное охлаждение стало нормой – и иронично, что на этом фоне именно искусственный друг оказывается чуть ли не самым сострадательным существом. Симулякр эмпатии Клары оттеняет реальный дефицит эмпатии у людей. Можно сказать, что технология, имитируя человека, заставляет самого человека осознать ценность утрачиваемого – живого общения и сострадания. В финале Джози довольно хладнокровно прощается с Кларой: повзрослев, девочка оставляет свою «игрушку». Эта сцена горька: человеческое сердце порой оказывается более черствым, чем запрограммированное сердце машины, которое, как кажется, навсегда сохраняет верность. Конечно, можно возразить, что Клара не испытывает боли разлуки – она просто удовлетворённо констатирует выполненное предназначение, а Джози теперь счастлива. Тем не менее ощущение тоски и одиночества сквозит между строк последних глав: хотя Клара прямо не говорит о своём горе, читатель улавливает его в подтексте ее спокойного тона. Показательно её финальное размышление об «особенном» в человеке: «Мистер Капальди считал, что в Джози нет ничего совсем особенного – того, что не продолжается. Он сказал Маме, что искал, искал и ничего такого не нашёл. Но я сейчас думаю, что он искал не там, где надо. Было что-то совсем особенное, но не внутри Джози. Оно было внутри тех, кто любил её» (Исигуро, 2021, с. 349). Выходит, симуляция чувств в романе парадоксально оборачивается настоящими чувствами – но не у робота, а у воспринимающего субъекта, то есть у нас, читателей: «...роман “Клара и Солнце” критически переосмысливает оптимистичную идею “эмоциональных вычислений”, показывая, что симулированные эмпатичные разумы не способны расшифровать всю сложность человеческих эмоций» (Sahu, Karmakar, 2024, p. 1350) (перевод выполнен автором статьи. – Т. О.).

Проблематика симуляции эмоций в «Кларе и Солнце» выходит за рамки простой дилеммы «чувствует или не чувствует робот». «Эмоционально ИИ-герои наделены своего рода “сверхчеловечностью”»: Клара сохраняет машинную преданность и готовность к жертве, тогда как люди постепенно утрачивают веру в любовь и надежду» (Chen, Liang, 2024, p. 15). Так, Исигуро создаёт сложную игру зеркал: люди проецируют чувства на робота, робот отзеркаливает их обратно, и читатель эмоционально откликается. Симулякры чувств действуют на нескольких уровнях, заставляя усомниться в чёткости границы между искренним и искусственным, между оригиналом и копией. Как писал Бодрийяр (2015, с. 7-8), в эпоху тотальной симуляции невозможно однозначно разделить реальное и мнимое – роман ярко иллюстрирует эту идею. Тем не менее автор не приходит к полностью пессимистическому выводу: показано, что даже симуляция способна порождать эмпатию, а вместе с ней – надежду на сохранение человеческого в постчеловеческом мире.

Отражённый через взгляд искусственного существа «камерный» способ повествования в романе основан на кинематографических принципах визуализации и монтажа. Этот приём создаёт эффект остранения и позволяет взглянуть на привычный человеческий мир со стороны – глазами иного разума. Одновременно ограниченность и фрагментарность такого взгляда вовлекают читателя в активное сотворчество смысла, побуждая додумывать невысказанное и проникаться эмпатией к необычному (и частично ненадёжному) рассказчику. Клара не человек, но становится фокусом человеческих чувств – любовью, страхом, надеждой окружающих – и, как ни парадоксально, пробуждает эти чувства в читателе: «...“Клара и Солнце” исследует сложное переплетение эмоций между ИИ Кларой и людьми, продолжая интерес автора к взаимодействию человечности и технологий» (Tan, Huang, 2025, p. 7). Таким образом, К. Исигуро, следуя интуиции постмодернизма, рисует мир, где симулякр может обрести значение, хотя остаётся философски неопределённым. Писатель избегает прямолинейных оценок – оптимистичных или пессимистичных. Роман не даёт однозначного ответа: «робот стал человеком» или «робот навсегда остался вещью»; напротив, он приглашает размышлять о градиенте сознания и эмоций, о «пограничных существах» между людьми и машинами. Внедрение кинематографического восприятия в текст оказывается ключом к пониманию того, как роман работает на чувственном уровне. Образы взгляда, света, экранной фрагментации и монтажной смены сцен создают у читателя переживание, схожее с просмотром фильма. При этом литературная форма позволяет проникнуть во внутренний мир работа-героини куда глубже, чем это обычно возможно в кино.

Заключение

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Уточнено содержание ключевых терминов: «технологическая искусственность» определяется как совокупность техногенных элементов и искусственных агентов, формирующих среду существования (роботы-компаньоны, цифровые интерфейсы и пр.). Под понятием «экранизация действительности» понимается медиально опосредованное восприятие мира, при котором реальность преобразуется по законам экранного представления (фрагментация на кадры, монтажность, имитация визуальных эффектов).

2. Установлено, что повествование от лица ИП Клары выстроено по принципу «камерного взгляда». Поле зрения героини расчленено на отдельные секции, из-за чего окружающий мир воспринимается как серия фрагментированных «кадров». Выявлено, что такой приём трансформирует привычную реальность в набор дисплейных образов и создаёт эффект остранения, позволяя читателю увидеть мир глазами нечеловеческого наблюдателя.

3. Выявлено, что феномен «симуляции чувств» в образе Клары носит программный характер, представляя собой имитацию человеческой эмоциональности. Алгоритмическая эмпатия Клары стирает границу между подлинным чувством и его имитацией. Сделан вывод о том, что подобная симуляция способна пробуждать у читателя подлинные переживания: сопереживая роботу, читатель испытывает эмоции, подтверждающие ценность человеческого чувства даже при его техническом воспроизведении.

4. Показано, что взаимодействие Клары с людьми и технологической средой иллюстрирует концепцию «экранизированной» реальности. Социальные связи в мире романа опосредованы технологиями: дружба становится покупаемым продуктом («искусственный друг»), а человеческая личность – потенциально заменимой и копируемой (проект создания дубля Джози). Таким образом, граница между оригиналом и симулятором почти стирается: общество привыкает к тому, что подмена реальных отношений их техническими симуляциями воспринимается как норма.

Данное исследование открывает возможности для дальнейшего изучения заявленной проблемы. Перспективно применить понятие «технологическая искусственность» к анализу других произведений и медиа: например, сопоставить образ нечеловеческого взгляда в романе Исигуро с его репрезентацией в кинофильмах («Из машины», «Она») или в прозе о человекоподобных ИИ (например, роман И. Макьюэна «Машины как я»). Кроме того, представляет интерес междисциплинарный подход – привлечение данных нейронауки и когнитивистики – для исследования того, каким образом читатели сопереживают роботизированным персонажам и что это говорит о природе эмпатии. Наконец, на основе концепта «экранизация действительности» можно проанализировать, как современная литература предвосхищает тенденцию замещения живого человеческого общения технологическими суррогатами и как использование данного термина помогает описать эти социокультурные сдвиги.

Материалы исследования | Research materials

1. Исигуро К. Клара и Солнце / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Inspiria, 2021.
2. Юзефович Г. «Клара и Солнце» – камерная и чистая сказка нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро // Meduza. 2021. <https://meduza.io/feature/2021/04/17/klara-i-solntse-kamernaya-i-chistaya-skazka-nobelevskogo-laureata-kadzuo-isiguro>
3. Gates B. A thought-provoking tale of friendship and robots // GatesNotes. 2021. gatesnotes.com/work/science-fiction/reader/klara-and-the-sun#:~:text=One of the most striking,she may seem at times

Источники | References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «Постум», 2015.
2. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце») // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315>
3. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф / пер. А. Усманова // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Мн.: ПроPILE, 2000.
4. Файзуллина Р. А. Трансгуманистическая проблематика романа «Клара и Солнце» К. Исигуро // Материалы LI Международной филологической конференции им. Л. А. Вербицкой, Санкт-Петербург, 14-21 марта, 2023 г. СПб., 2023.
5. Chen J., Liang X. AI as Other: Reconfiguring Human in Machines Like Me and Klara and the Sun // IRA Int. J. of Education and Multidisciplinary Studies. 2024. Vol. 20. № 3.
6. Ngai S. Ugly Feelings. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2005.
7. Sahu O. P., Karmakar M. Disposable culture, posthuman affect, and artificial human in Kazuo Ishiguro's Klara and the Sun // AI & Society. 2024. Vol. 39. № 3.

8. Simonetti N. Mastering Otherness with a Look: On the Politics of the Gaze and Technological Possibility in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2023. № 64 (3).
9. Sumner T. D. Pixel, Partition, Persona: Machine Vision and Face Recognition in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* // *Open Library of Humanities*. 2023. Vol. 9. № 2.
10. Tan Q., Huang Y. Beyond Anthropocentrism: A Posthumanist Reflection on Artificial Intelligence and Emotion in *Klara and the Sun* // *J. of Theory and Practice in Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 2. № 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Орлова Татьяна Сергеевна¹**¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица**EN****Tatiana Sergeevna Orlova¹**¹ St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design¹ ots_prof3@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.06.2025; опубликовано online (published online): 24.07.2025.

Ключевые слова (keywords): технологическая искусственность; роман «Клара и Солнце»; К. Исигуро; экранизованное восприятие действительности; читательская эмпатия; technological artificiality; novel "Klara and the Sun"; K. Ishiguro; screenified perception of reality; reader empathy.